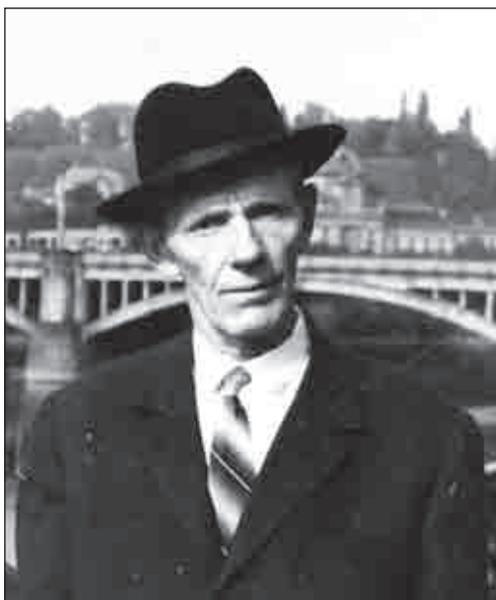

УДК: 902.028.42(091)

С.А. Скорый, В.Н. Саенко

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ТЕРЕНОЖКИНА

А.И. Тереножкин, г. Прага, 1961 г.

Масштабы деятельности в археологической науке оцениваются не только с учетом широты и глубины разрабатываемой проблематики, но и размаха полевой работы, ее географии, которые в немалой степени и определяют исследовательские диапазоны. В этом смысле судьба и научная биография профессора Алексея Ивановича Тереножкина, 110-летие со дня рождения которого отмечает в этом году Институт археологии НАН Украины и его Отдел раннего железного века, а по большому счету — в целом широкая археологическая общественность, показательны и во многом поучительны.

© С.А. СКОРЫЙ, В.Н. САЕНКО, 2017

Осмысление сделанного этим ученым в изучении различных исторических периодов и отдельных археологических культур на обширных пространствах евразийских степей, примыкающих к ним лесостепных, предгорных и полупустынных зон обрело за последние десятилетия достаточно представительную историографию. Его работы продолжают находиться в центре внимания, о выдающемся деятеле с уважением, благодарностью, любовью вспоминают многие его коллеги, последователи и ученики. Однако, оценка научного наследия А.И. Тереножкина на фоне наработок предшественников и с учетом современных достижений потребует, без преувеличения, нескольких монографических исследований, а издание как избранного, так и академического собрания его трудов было бы востребовано читателями.

Вместе с тем, не только научные занятия, но и сама жизнь А.И. Тереножкина была столь интересна, столь насыщена всевозможными яркими событиями, что ныне, отмечая юбилей дня его рождения (26 ноября 1907 г.), следует вспомнить некоторые вехи его биографии.

Нужно заметить, что в семье Тереножкиных связывали именины будущего ученого с днем Алексея, Божьего человека. История рода Тереножкиных уходит своими корнями в события церковного раскола, когда несогласные с реформами Никона переселялись на земли Речи Посполитой. При Екатерине II предки Алексея Ивановича из мест их проживания в какой-то части северной Украины или юга Белоруси были репатриированы в заволжские степи. Там, в излучине р. Большой Иргиз возвращенные старообрядцы основали в пойменных лесах, на заброшенных руинах золотоордынского городка, станицу Мечетная. Со временем она стала

уездным центром Николаевском, знаменитым своей мукомольной промышленностью и зерновой торговлей. Поначалу светская культурная жизнь за пределами многочисленных монастырей ограничивалась, главным образом, мероприятиями по повышению грамотности и борьбой с народным пьянством. Но постепенно образовательный уровень среди разных социальных слоев все же повышается, и в русле этих изменений отец Алексея, Иван Александрович, открывает в 1893 г. книжный магазин, по-видимому, следуя семейной традиции. Известно, что его отец, Александр Андреевич Тереножкин, был офеней и, передвигаясь с коробом за плечами, тоже торговал книгами, церковными предметами и разными мелочами, а затем держал лавку.

Произошедшая революция принесла много нового и в Заволжье. На волне первоначального энтузиазма местная интеллигенция стала создавать научно-просветительские общества, сломался сам патриархальный уклад купеческих и крестьянских семейств, который ранее никак не позволил бы отвлекаться на «неприбыльные» дела, вроде археологии. Но главное — из-за опасной и голодной обстановки в столицах отсюда происходит отток научных сил. Так, в частности, в Самару выехали такие ученые, как В.В. Гольмстен, В.Н. Перетц, В.П. Адрианова-Перетц, будущий академик М.Н. Тихомиров и другие, что позволило открыть в городе университет, ориентированный, прежде всего, на обучение гуманитарным дисциплинам. В сфере интеллектуального влияния этого центра оказался и г. Николаевск, переименованный по предложению В.И. Чапаева в г. Пугачев. Также вскорости на государственном уровне начинает проводиться линия на развитие краеведения.

Приезжавшие из губернии лекторы призывали к проведению археологических раскопок, на что первыми откликнулись местные мальчишки. Уже с 1919 г. одиннадцатилетний Алексей Тереножкин начинает собирать в размывах речных берегов обломки керамики и приносит находки в музей. В 1921 г. представители местного «Общества мироведения» проводят на окраине города исследования небольших курганов, потревоженных подростками-пастухами. Это как раз и были самые первые археологические раскопки, в которых принял деятельное участие гимназист А. Тереножкин.

Изыскания пугачевских краеведов курировала Вера Владимировна Гольмстен и летом 1926 г. к ней в экспедицию, пешком, отправляется Алексей, по пути производя археологические разведки. Осенью он поступает на археолого-этнологическое отделение Высших курсов при Самарском обществе краеведения, дававшее среднее археологическое (!) образование. Тогда же, в 1927—1928 гг. Тереножкин начинает свои самостоятельные раскопки, исследуя два поселения эпохи бронзы (срубной культуры) — Успенское и Клопихинское и не-

Семья Тереножкиных, г. Николаевск, около 1905 г. Публикуется впервые

Алексей Тереножкин (в центре), г. Пугачев, около 1925 г.

большие курганы золотоордынского времени в Пугачевском уезде. Досрочно закончив курсы, он продолжает учебу в первом МГУ.

В конце 1920-х гг. в Московском университете жизнь кипела: студенты могли «проработать» профессоров на собраниях, в аудиториях проходили выступления А.В. Луначарского, Н.И. Бухарина, В.В. Маяковского, а в общезжитиях до самого утра велись горячие споры о преобразовании жизни. Этнографический факультет, куда поступил Алексей Иванович, состоял к 1928 г. из этнографического отделения (представленного, главным образом, школой Д.А. Анучина) — там велось также обучение археологии, и отделения историко-археологического, где преподавали В.А. Городцов, Ю.В. Готье. Среди сокурсников Алексея на этнофаке

Справка об отчислении А.И. Тереножкина из университета, 1930 г. Публикуется впервые

В экспедиции А.Н. Бернштама, 1936 г. В нижнем ряду, крайний справа Алексей Тереножкин

были, ставшие потом людьми известными, Борис Рыбаков, Сергей Толстов, Татьяна Жданко, Евгений Крупнов, Николай Прокошев, искусствовед Борис Веймарн, писательница Наталья Баранская.

А.И. Тереножкин принадлежит, безусловно, к школе В.А. Городцова (также и через В.В. Гольмстен, которая была ученицей последнего). Вопрос о научных школах вообще достаточно сложный и многогранный из-за разнообразности в конкретных проявлениях. Современная историография, например, предпочитает говорить о научных сообществах, что более корректно. Забегая вперед, отметим, что Тереножкин, создав впоследствии украинскую школу скифоведения (и, отчасти, школу «бронзовиков»), в результате стал одним из тех ученых, которые обеспечили преемственность от дореволюционной историко-археологической мысли до современных исследований в работающих ныне научных институтах. «По-

рвалась дней связующая нить, как мне обрывки их соединить?» — слова, целиком соответствующие канве жизни Алексея Ивановича.

А тогда студент Тереножкин успешно начал исследовательскую работу: летом 1929 г. осуществил разведки в долине р. Чу в Северной Киргизии (экспедиция Антропологического научно-исследовательского института МГУ). В следующем году проводились раскопки на открытых им археологических памятниках (Палеоэтнологическая экспедиция АИМК). К тому же, в середине октября он поступил на работу в ГИМ, в отдел доклассового общества.

Однако после «года великого перелома» репрессии среди ученых приняли системный характер. Полному разгрому подверглось краеведческое движение, началась ликвидация учебных учреждений исторического профиля. Попадает под эту волну и Алексей Тереножкин. Он был исключен с последнего курса университета по доносу, — что тогда было обычным делом — за «сокращение социального происхождения». Именно так отчислили, например, и учившегося на юридическом факультете Варлама Шаламова.

Это, понятно, не поспособствовало ни научным занятиям, ни карьерному росту молодого ученого. Летом он опять отправляется в Северную Киргизию снимать планы средневековых крепостей в долине р. Талас, а затем вынужден уехать в Зауралье, заведовать музеем в г. Алапаевск Свердловской области (музей и сейчас находится в том же здании). На р. Нейва Алексей зарисовывает наскальные изображения и копает неолитические стоянки. Осенью удалось вернуться в Москву, и, поменяв несколько мест работы, Тереножкин устраивается в Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ): шефом-покровителем был нарком юстиции Н.И. Крыленко. И хотя от дирекции ГИМа поступают заманчивые предложения о создании отдела феодализма Средней Азии, этому мешает квартирный вопрос — семья Тереножкиных живет в ведомственном доме.

В это время начинается многолетнее сотрудничество Алексея Ивановича с Борисом Николаевичем Граковым, тогда уже весьма известным московским археологом. В 1932 г. они планировали вместе провести разведки в нижнем течении р. Урал, от г. Уральска до г. Гурьева (около 500 км), но в результате А.И. Тереножкину в одиночку удалось пройти менее половины маршрута¹. В следующем году ученые работают в верховьях этой реки — на раскопках затапливаемых при устройстве ГЭС памятников, в руководимой Граковым экспедиции. Затем, в 1938 г., Тереножкин участвует в исследовании скифских курганов в Украине, около г. Никополь. Заметим также, что впоследствии Алексей Ива-

1. Б.Н. Граков работал на среднем течении р. Урал в 1927—1929 гг., а в начале 1929 г. написал брошюру о задачах археологических исследований в Казахстане [Граков, 1930]. В 1931 г. он проводил разведки на верхнем Урале, в зоне планируемого строительства ГЭС.

нович пытался привлечь Бориса Николаевича к участию в раскопках Мелитопольского кургана в Приазовье, на р. Молочной. В 1955 г. они отдельными отрядами проводили раскопки на Суботовском городище в Среднем Поднепровье, в результате появилась их единственная совместная публикация [Граков, Тереножкин, 1958].

Подводя итог своим ранним увлечениям, Алексей Иванович подготовил статью о заволжских поселениях эпохи поздней бронзы¹ и начинает специализироваться на средневековой проблематике. Он пишет статьи о курганном могильнике у г. Орск, о музыкальном инструменте из своих раскопок (последние две не опубликованы), рецензии на работы А.Ю. Якубовского и Б.Д. Грекова о Золотой Орде [Тереножкин, 1932].

С 1934 г. А.И. Тереножкин снова работает в ГИМе и готовится к поступлению в аспирантуру при ГАИМК. Однако, диссертация оказалась не подготовленной, научным руководителем был С.П. Толстов, а его аспиранты, похоже, часто находились в состоянии «свободного плавания». Разрабатываемой темой, по-видимому, была периодизация культур Семиречья, судя по публикациям этого времени, посвященных древностям Северной Киргизии [Тереножкин, 1935; 1938а]. Тогда он впервые представил целостную картину археологических соответствий к «Очерку истории Семиречья» В.В. Бартольда [Тереножкин, 1938]. Монографически археологию региона потом рассмотрел А.Н. Бернштам в работах «Археологический очерк Северной Киргизии» (1941), «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала» (1943). На вторую из них Алексей Иванович уже после войны написал рецензию [Тереножкин, 1947].

Истоки интереса к среднеазиатским древностям, побудившего А.И. Тереножкина посвящать им значительную часть своей жизни, сам он объяснял впоследствии следующим образом: «Проведя детство и юношество в Заволжье, в пограничье между Европой и Азией, в университете обратился к археологии Средней Азии, увлечение которой составило в моей жизни многое» [Из жизни..., 2006, с. 98].

В это же время начинается знакомство Алексея Ивановича с древностями Хорезма. Из его воспоминаний видно, что он глубоко прорабатывал всю доступную ему литературу по среднеазиатской проблематике, имеющуюся в Ленинской библиотеке, копировал карты и схемы, на которых были изображены селения и руины древних городов, каналы и пр. Уже тогда он пришел к выводу, что наиболее перспективными для археологических открытий являются территории Правобережья Амударьи: «Можно было ожидать, что на этих землях окажутся памятники не только средне-

А.И. Тереножкин и Б.Н. Граков вблизи с. Суботов Чигиринского р-на Черкасской обл. 1950-е гг.

вековья, но и более ранней античной поры» [Из жизни..., 2006, с. 16]. Его предположение стало реальностью буквально через несколько лет. С 1934 г. начался поистине плодотворный период археологических исследований А.И. Тереножкина в Средней Азии, который продолжался до 1948 г. (и был прерван лишь войной). Он стал участником и организатором разведок и раскопок многих экспедиций на территории Киргизии, Казахстана, Таджикистана и особенно Узбекистана. В 1934 г. в составе экспедиции М.В. Воеводского, совместно с А.А. Потаповым, молодой археолог осуществил исследования в Хорезме, в области нижнего течения Амударьи. Основным объектом изучения тогда явилось средневековое городище Замахшар с прекрасно сохранившимися фортификационными сооружениями. Здесь были произведены небольшие раскопки на местах горнов для обжига расписной поливной керамики. В ходе этих работ были собраны и фрагменты терракотовых и алебастровых статуэток, которым вначале не придали особого значения. Оказалось, что это были находки из древнего Замахшара, остатки которого залегали под слоем наносного песка, но это стало понятным позже. В 1937 г., когда С.П. Толстов (в тот период ученый секретарь Московского отделения ГАИМК) решил создать многолетнюю экспедицию для исследования в Средней Азии, А.И. Тереножкин (тогда аспирант) предложил произвести работы в Хорезме, с целью поиска памятников домусульманского времени, причем начать их на Правобережье Амударьи. Летом А.И. Тереножкин, который, по сути, был и начальником, и единственным научным сотрудником Хорезмской экспедиции 1937 г., в пустынных безжизненных местностях к востоку от г. Тьрткуль обнаружил группу (более 30) выдающихся памятников доарабского Хорезма. Среди них особенно выделялись своими масштабами и сохранностью раннесредневековая крепость Беркут-кала (то есть Орлиная крепость) и комплекс античных кре-

1. Рукопись, датированная 13.06.1932 г., сохранилась в фонде Городцова в ОПИ ГИМа, также есть вариант, написанный уже в 1970-е гг.

На Большом Ташкентском канале. Слева от А.И. Тереножкина — Ю.А Ахунбаев, Председатель Президиума Верховного Совета Уз. ССР, 1940 г. Публикуется впервые

постей Аяз-калы. Как позже писал Алексей Иванович: «В оазисе Беркут-кала мне приоткрылась завеса над главной тайной древности, над античным Хорезмом». И далее: «Открытие в 1937 г. памятников домусульманского Хорезма считаю своим важнейшим достижением» [Из жизни..., 2006, с. 22—23]. Это открытие положило начало многолетним плодотворным работам Хорезмской экспедиции¹. Однако, блестящие результаты и понимание огромных перспектив заставляют С.П. Толстова оставить за собой руководство экспедицией. Ему также досталась для научной обработки и публикации переданная Тереножкиным уникальная коллекция собранных монет — надписи на них были первыми образцами хорезмийского алфавита.

Алексей Иванович еще принимает участие в работе Хорезмской экспедиции в 1938—1939 гг. В начале 1939 г. он переехал из Москвы в Ташкент, где стал работать в Узбекистанском комитете по охране и изучению памятников материальной

1. Любопытно, что в научно-популярной литературе о составе Хорезмской экспедиции 1937 г. говорится следующее: «В состав экспедиции входило двое научных работников — один из них сам Толстов, а другой — А.И. Тереножкин, и двенадцать рабочих» [Бершадский, 1949, с. 94]. Вот так создаются легенды и делится (а порой — забирается) чужая слава.

культуры («правопреемник» Узкомстариса) старшим научным сотрудником, а затем в Институте языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР. В качестве объекта диссертационного исследования он выбрал совокупность памятников VII—VIII вв., составляющих комплекс Беркут-кала, однако противодействие со стороны начальника Хорезмской экспедиции не позволило выполнить намеченную работу. Тем не менее, результаты своих раскопок 1937 г. Алексей Иванович смог опубликовать в виде статьи [Тереножкин, 1940], помимо этого, по хорезмской тематике у него вышло еще четыре публикации [Тереножкин, 1940; 1940а; 1940б; 1958]. По прошествии многих лет, весной 1978 г. Тереножкин был приглашен для участия в конференции, посвященной 40-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции и прочитал там доклад о первых годах исследований.

А тогда, в 1939 г., из-за сложившейся ситуации, А.И. Тереножкин несколько изменил географию своих научных изысканий и перенес археологические исследования на окрестности Ташкента. Здесь для него особый интерес представлял могучий замок Ак-тепе. В ходе его раскопок в 1940—1941 гг. были получены весьма успешные результаты по истории среднеазиатской монументальной архитектуры и материальной культуры домусульманского времени. Также весной 1940 г., Алексей Иванович осуществлял наблюдения на строительстве Большого Ташкентского канала, собрав ценные разнородные материалы от эпохи бронзы до начала II тыс. н. э. В ходе новейших исследований ему удается доказать ошибочность отнесения культур Каунчи II в Ташкентском оазисе и Талли-Барзу I, выделенную на Зеравшане, к ахеменидскому времени, установив, что их необходимо датировать временем не ранее рубежа новой эры. В среднем течении Сырдарьи он выделил неизвестную ранее культуру — бургулоксую, охватывающую период формирования и развития сакского этноса (IX—IV вв. до н. э.). В свете этих исследований тема, связанная с разработкой историко-археологической периодизации культур Средней Азии — от эпохи раннего железа до раннего средневековья, стала особенно актуальной [Тереножкин, 1940в; 1941].

Начавшаяся война прервала археологические исследования молодого ученого. Осенью 1941 г. А.И. Тереножкин был призван на службу. В рядах 4-й гвардейской армии он прошел славный боевой путь от Сталинграда до Вены и был награжден орденом Красной Звезды, и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией». Следует сказать, что, будучи на фронте, Алексей Иванович по поручению Военного совета 4-й гвардейской армии принял участие в написании большой книги «Боевой путь Н-ской гвардейской армии от Сталинграда до Вены» (в соав-

торстве). Она была издана в 1945 г. и роздана на память бойцам и командирам.

Пока шла война, многие защитили не только кандидатские, но и докторские диссертации, перспективные в археологическом отношении территории оказались поделенными. После демобилизации А.И. Тереножкин вернулся в Ташкент и восстановился в прежней должности в Институте истории и археологии АН Узбекистана. Основным объектом исследований он выбирает городище Афрасиаб — руины древнего Самарканда (Мараканда античных авторов), одного из важнейших центров среднеазиатской цивилизации, разрушенного в 1220 г. полчищами Чингиз-хана. В 1946 г. Алексей Иванович переезжает из Ташкента в Самарканд, где создает постоянную археологическую базу. Три года упорных работ на Афрасиабе (1945—1947 гг.) позволили исследователю получить важнейшие материалы для историко-археологической периодизации этого памятника. Он выдвинул тезис о том, что Самарканд, как большой город, возник на месте городища Афрасиаб еще в ахеменидское время, в VI в. до н. э. [Тереножкин, 1946; 1948; 1951] ¹.

Следует добавить, что в 1947—1948 гг. Алексей Иванович работал также в Пянджикенте в экспедиции, которой руководил А.Ю. Якубовский [Тереножкин, 1950а].

Итоги обширных и весьма результативных работ, осуществленных в 1940—1941, 1945—1947 гг., были подведены А.И. Тереножкиным в кандидатской диссертации «Согд и Чач», блестяще защищенной 28 апреля 1948 г. в Ленинграде в Институте истории материальной культуры АН СССР [Тереножкин, 1950].

В диссертации А.И. Тереножкин предложил археологическую периодизацию от эпохи бронзы (середина XV в. до н. э.) до начала монгольского завоевания. Особенно дискуссионным был вывод, что уже на ранних этапах Самарканд был огромным поселением (при этом Алексей Иванович ссылается на наблюдения С.П. Толстова над эволюцией хорезмских памятников) [Тереножкин, 1947а]. Что касается существования в Согде тогда исключительно гипотетических слоев ахеменидского периода, то после передатировок хронологии Г.В. Григорьева, этот вопрос не в последнюю очередь решался благодаря наличию каменной резной печати из случайных поступлений, а в ее подлинности сомневались и допускали, что она изготовлена торговцами древностей. В.Л. Вяткин же на основании своих коллекций вообще отрицал на Афрасиабе присутствие слоев даже кушанского периода.

1. Забегая несколько вперед, отметим, что открытие А.И. Тереножкина получило широкий общественный резонанс, и позже, в 1970 г., в Самарканде прошли юбилейные торжества, посвященные 2500-летию основания города.

С фронтовыми наградами. Начало 1970-х гг.

Титульный лист книги «От Сталинграда до Вены»

По прошествии десятилетия М.Е. Массон ², оспаривал вывод, что в кушанское время Афрасиаб находился в состоянии упадка. А.И. Тереножкин же и в дальнейшем продолжал на-

2. Он считался экспертом в самаркандской археологии, еще гимназистом вместе с В.Л. Вяткиным копал на Афрасиабе, а потом до 1924 г. работал заведующим Самаркандским музеем.

На раскопках Пянджикента. Храм № 2 с настенными росписями. Август 1948 г.

Варвара Ильинская и Алексей Тереножкин. Киев, 1948 г.

стаивать на заметном отставании в развитии, по сравнению с южными областями, а причину видел в сарматских нашествиях. Кроме того, разногласия были и в трактовке позднесредневековых слоев [Массон, 1959].

Алексей Иванович готовил монографию о своих исследованиях на Афрасиабе (сохранились предисловие и машинопись трех глав отчетного характера о раскопках 1945—1947 гг.), однако из-за последующего переезда в Украину и оторванности от материалов он отошел от этой проблематики. Тереножкин посещал Самарканд в 1960—1980-е гг., проводил небольшие раскопки на Афрасиабе. В январе 1970 г. поступило предложение переехать в Самарканд и занять кафедру в университете. В апреле-мае он прочитал там курс лекций. К готовящемуся юбилею Самарканд были проведены новые раскопки на Афрасиабе, результаты которых не противоречили построениям Алек-

сея Ивановича. В начале 1971 г. он закончил статью «Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда», которая вышла в следующем году [Тереножкин, 1972].

Но вернемся к событиям конца 1940-х гг. Весной 1948 г., немногим более месяца до защиты диссертации, а точнее, 17 марта, в Самарканде на раскопках Алексей Иванович познакомился с молодой женщиной, сыгравшей огромную роль в его судьбе и, таким образом, оказавшей немалое влияние на развитие среднеазиатской и украинской археологии. Этой женщиной была Варвара Андреевна Ильинская, в то время аспирантка Института археологии АН УССР. Она стала самой большой любовью в жизни А.И. Тереножкина, женой и верной соратницей в его последующей работе. Ей удалось убедить Алексея Ивановича заняться украинской археологией. Разумеется, сделать это было весьма нелегко. Во-первых, после выдающихся открытий в Средней Азии, блестящей защиты кандидатской диссертации перед А.И. Тереножкиным открывались заманчивые перспективы дальнейших масштабных исследований. Во-вторых, не хотелось терять ценного работника и руководству Института истории и археологии Узбекской Академии наук. Наконец, в-третьих, и у самого Алексея Ивановича были некоторые сомнения в том, нужно ли столь резко менять сферу своих научных интересов. Украина не была terra incognita для А.И. Тереножкина. Как известно, в 1921—1923 гг. еще мальчиком он спасался здесь от страшного голода в Поволжье, позже, в годы Великой Отечественной войны с боями прошел по лесостепной Украине. Однако от археологической проблематики, связанной с этим регионом, он был далек. Лишь однажды, в 1938 г. (о чем уже упоминалось), ему пришлось участвовать в экспедиции Б.Н. Гракова, осуществлявшей раскопки скифских курганов вблизи Никополя.

Свои сомнения на этот счет Алексей Иванович изложил в одном из писем к В.А. Ильинской в достаточно поэтической форме: «... мне так хочется работать в Украине, но я не уверен, что гладко привьюсь к вишневой веточке у хать» [Из жизни..., 2006, с. 57]. Но обоюдная любовь и настойчивость Варвары Андреевны победили.

Все переипетии этого небольшого по времени, но достаточно напряженного периода в жизни Алексея Ивановича ярко отражены в его эпистолярном наследии [Из жизни ..., 2006, с. 55—69].

В декабре 1948 г. по приглашению академика П.П. Ефименко, директора Института археологии АН Украинской ССР, А.И. Тереножкин переехал в Киев и был принят на должность старшего научного сотрудника в Отдел скифо-античной археологии. Так начался украинский период жизни и научной деятельности Алексея Ивановича. 1 апреля 1949 г. он стал заведующим Отделом и работал в этой должности до 1981 г., то есть 32 года. В статье, посвященной 60-летию Отдела

археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины, время его руководства отделом было названо «эпохой Тереножкина» в истории этого подразделения, что представляется вполне объективным [Скорый, 2005, с. 5]. Сферой научных интересов А.И. Тереножкина становятся предскифский и скифский периоды на юге европейской части СССР. «Мне, — как напишет Алексей Иванович в наиболее поздней, незавершенной автобиографии, — пришлось резко и быстро перестроиться в своей исследовательской работе, как того потребовал переход от среднеазиатской к восточноевропейской тематике» [Из жизни..., 2006, с. 102]. Остается только поражаться тому, как стремительно и результативно вошел в восточноевропейскую проблематику А.И. Тереножкин. Сейчас, по прошествии значительного времени, оценивая сделанное Алексеем Ивановичем в развитии украинской археологии, совершенно определенно можно утверждать, что на украинской почве еще более рельефно, нежели в Средней Азии, проявилось не только его умение масштабно оценивать то или иное историческое явление, но и безошибочно видеть наиболее актуальные проблемы археологии и, главное, — четко определять верные пути к их решению. Одной из таких «болевы́х» проблем являлась проблема хронологии белогрудовской культуры эпохи бронзы, выделенной еще в 20-х гг. прошлого века, прежде всего, на материалах памятников в районе Умани, а также ее хронологические позиции относительно древностей собственно скифской поры. Произведя разведки и небольшие раскопки весной 1949 г. на белогрудовских памятниках вблизи Умани, Алексей Иванович четко установил, что белогрудовская культура относится к концу бронзового века. Остро стал вопрос о возможности существования неких архаических памятников железного века между белогрудовской культурой и древностями скифской поры. И такие памятники были обнаружены А.И. Тереножкиным весной 1949 и поздней осенью 1950 г. в ходе обширных разведок, проведенных на севере Черкасской и юге Кировоградской областей. Он открыл группу неизвестных ранее городищ, среди которых по масштабам выделялось городище в урочище Черный Лес, в верховьях р. Ингулец, на севере Кировоградской области. Осуществленные раскопки показали, что все эти поселения относятся к предскифской поре. Это позволило А.И. Тереножкину выделить особую культуру начала раннего железного века в Среднем Поднепровье, являющуюся звеном между поздним бронзовым веком и собственно скифской эпохой. Эта культура получила название чернолесской. Выделение данной культуры имело огромное значение для понимания позднейшего предскифского периода не только в Лесостепном Правобережье, но и на Украине вообще.

Уже в это время А.И. Тереножкин приходит к оригинальному выводу о том, что скифская

культура не сформировалась на основе срубной культуры бронзового века, как считал ряд специалистов, в первую очередь московские скифологи, а между культурами есть некий переходный период — от бронзы к железному веку. В последующее время ученый вплотную занялся этой проблемой. В 1958 г. в Москве в Институте археологии АН СССР, Алексей Иванович успешно защитил докторскую диссертацию «Предскифский период в Днепро-Донецком Лесостепном Правобережье», изданную тремя годами позже в виде основательной монографии [Тереножкин, 1961]. Одним из важнейших положений этой работы был вывод о глубоких местных корнях и этнокультурной преемственности населения Правобережного лесостепного региона, начиная от тшинецко-комаровской культуры эпохи бронзы до зарубинецкой культуры включительно. Это население, по мнению исследователя, должно быть соотнесено с праславянами. Данная монография и доньше считается одной из наиболее глубоких и важных работ по изучению предскифского периода, хотя с годами появились новые материалы, которые позволили уточнить некоторые представления об этом времени, в частности хронологические позиции чернолесской культуры и другие вопросы.

Занимаясь проблемами предскифского времени в украинской Лесостепи, А.И. Тереножкин еще с 1950-х гг. параллельно начал работать и над вопросами археологии доскифского периода юга Восточной Европы, а также — собственно скифской археологии. Он прекрасно осознавал: в зависимости от того, как будут решаться вопросы позднейшего предскифского периода на юге Восточной Европы, зависит и понимание ряда проблем собственно скифской археологии. Значительное внимание изучению древностей позднейшего предскифского времени в эти годы уделяли помимо А.И. Тереножкина еще два известных специалиста — московский исследователь Е.И. Крупнов и ленинградский — А.А. Иессен. Е.И. Крупнов в процессе раскопок Каменноостского могильника кобанской культуры на Северном Кавказе (Кабарда) обратил внимание на группу погребений с вещами переходного периода — от эпохи бронзы к раннему железному веку, найдя при этом аналогии ряду изделий в степных памятниках юга Восточной Европы. Датируя эти погребения концом VIII — началом VII в. до н. э., Е.И. Крупнов объяснял наличие в них вещей «восточного облика» степным киммерийским влиянием [Крупнов, 1950, с. 273]. В 1952 г. Алексей Иванович опубликовал статью, где он впервые, опираясь на материалы Каменноостского могильника и фрако-киммерийских древностей Карпато-Подунавья, объединил в культурно-хронологическую группу степные погребения конных воинов из курганов Черногоровского, Камышевахского и Малой Цимбалки. Он датировал их позднейшим предскифским временем (не позже конца

IX—VIII вв. до н. э.), правда, воздержавшись от этноисторической трактовки этих памятников [Тереножкин, 1952]. Как известно, еще более рельефно комплекс вещей степного (предскифского) времени был очерчен в работах А.А. Иессена 1953—1954 гг., который выделил на материалах Степного Предкавказья и Северного Кавказа Новочеркасскую группу археологических памятников VIII — начала VII в. до н. э. (название от клада бронзовых вещей, случайно найденного на окраине Новочеркаска Ростовской обл. РФ в 1939 г.). При этом исследователь полагал, что древности подобного типа могли принадлежать как киммерийцам, так и древнейшим скифам, материальная культура которых, по его мнению, была весьма близкой [Иессен, 1953, с. 108—109; 1954, с. 119—126]. Но основная заслуга в разработке периодизации, хронологии и культурно-этнической трактовке позднейших предскифских памятников юга Восточной Европы, бесспорно, принадлежит А.И. Тереножкину. Детально и тщательно исследовав весь круг известных источников, он в ряде обстоятельных статей и в своем завершающем по этой проблематике труде — монографии «Киммерийцы» [Тереножкин, 1976] — показал, что позднейшая предскифская культура, сложившаяся на базе культур эпохи поздней бронзы (в первую очередь — срубной), может быть разделена на два последовательных хронологических этапа (или группы памятников) — черногоровский (900—750 гг. до н. э.) и новочеркасский (750—650 гг. до н. э.). При этом ученым были сделаны два важнейших вывода: 1) указанная позднейшая предскифская культура принадлежит историческим киммерийцам; 2) культура черногоровско-новочеркасского типа не трансформировалась в скифскую культуру, а была сменена ею механически. Это открытие вносило ясность не только в понимание предскифского периода, но и открывало новые перспективы для скифоведения. А.И. Тереножкин хорошо понимал значение сделанного им в изучении предскифского периода: *«Книгу “Киммерийцы” считаю главным итогом своей научно-исследовательской деятельности за прошедшие 30 лет: в ней найдены подступы к правильному освещению культуры киммерийцев в нашей стране, она завершила поиск этих начал, о чем мечтали многие наши предшественники»* [Из жизни..., 2006, с. 105]. Монография «Киммерийцы» вызвала широкий положительный резонанс в кругу специалистов как отечественных, так и зарубежных, занимающихся проблемами раннего железного века.

Вместе с тем, необходимо отметить, что не все положения А.И. Тереножкина были восприняты уже в то время однозначно. Так, например, А.М. Лесков, принимая в целом периодизацию А.И. Тереножкина, предложил иную этнокультурную трактовку и хронологию черногоровской и новочеркасской групп, относя первую из них (середина VIII — начало VII вв. до н. э.) к

позднейшим киммерийцам, а новочеркасскую (конец VIII — начало последней четверти VII в. до н. э.) — к древнейшим скифам [Лесков, 1981, с. 98]. Позже появились иные точки зрения, в частности, о возможности соотнесения с киммерийцами только одной из двух групп позднейших предскифских памятников, а именно новочеркасской группы, и пр. И все же, по прошествии 40 лет, несмотря на определенное увеличение источниковой базы, можно с ответственностью утверждать, что в целом разработки А.И. Тереножкина по киммерийской проблеме (и сама монография «Киммерийцы») не устарели. Значительная часть специалистов в области археологии раннего железного века по-прежнему работает в системе научных координат, четко определенных в предскифской проблематике А.И. Тереножкиным.

Уже первые успехи в изучении предскифского периода в лесостепной и степной частях Украины давали Алексею Ивановичу хорошую основу для познания скифской культуры и Скифии — темы, которая занимала большое место в его научно-исследовательской работе на протяжении всей жизни. При этом надо подчеркнуть, что скифская тема, по сути, разрабатывалась им параллельно с изучением предскифского периода. Основными направлениями, привлекавшими его внимание, были: формирование скифского этноса и происхождение скифской культуры, возникновение и характер скифской государственности, вопросы этногеографии Скифии. Каждый из этих кардинальных вопросов освещался им на протяжении значительного времени в многочисленных работах, написанных как самостоятельно, так и совместно с В.А. Ильинской, и, в конечном счете, нашел концентрированное выражение в ряде блестящих основополагающих статей Алексея Ивановича, таких, как «Об общественном строе у скифов» [Тереножкин, 1966], «Скифская культура» [Тереножкин, 1971], «Класи і класові відношення у Скіфії» [Тереножкин, 1975] и др. Квинтэссенцию этих разработок содержат написанные совместно с В.А. Ильинской обстоятельные разделы для «Археології Української РСР» (1971), «Археологии Украинской ССР» (1986) и фундаментальная монография «Скифия VII—IV вв. до н. э.» [Ильинская, Тереножкин, 1983]. Уже с конца 1960-х гг. в работах А.И. Тереножкина, в противовес доминирующей в то время концепции о скифском этносе и культуре, сложившихся в Северном Причерноморье на основе населения позднесрубной культуры, о территории Скифии, ограничивающейся исключительно степной частью Северного Причерноморья, и Лесостепи, заселенной земледельческо-скотоводческими племенами со скифоидной культурой, была предложена иная стройная концепция. Согласно этой концепции, скифы-иранцы, принесшие свою кочевническую культуру из глубин Азии, завоевали древнее автохтонное население Северного Причерноморья, ассимилировали его и широко

распространили свою культуру (элементы местной культуры были «заслонены» новой яркой культурой). В Степи и Лесостепи — подчеркивал в своих трудах исследователь — существовали не две культуры (как считали представители, прежде всего, московской школы скифоведения), а единая скифская, принадлежавшая племенам, различающимся по этносу и хозяйственному укладу. В степной части Северного Причерноморья обитали скифы-иранцы, занимающиеся кочевым скотоводством. Скифами (как и В.А. Ильинская) исследователь считал и большую часть населения Левобережной Лесостепи, основным занятием которого было земледелие. Что же касается Правобережья Среднего Приднепровья, а также бассейна р. Ворскла на левом берегу, то здесь А.И. Тереножкин помещал земледельческо-скотоводческое население нескифского этноса, вероятных праславян (скифы-пахари Геродота?). Вся территория Степи и Лесостепи входила в состав единого политического объединения — Скифии. Надо сказать, что этим взглядам А.И. Тереножкин следовал до конца своей жизни, стремясь постоянно подкреплять их новыми аргументами.

Разумеется, широта обобщений, должная аргументация тех или иных положений нуждались в конкретных археологических материалах из памятников скифской культуры в различных регионах Северного Причерноморья. Алексей Иванович осуществил весьма результативные раскопки древностей скифской поры, причем, как правило, выступал новатором, как с точки зрения масштабов изучаемых им памятников, так и применяемой методики. Перечень раскопанных исследователем памятников скифского времени весьма значителен, но остановимся на наиболее ярких. В Лесостепи к таковым, безусловно, относится 9-метровый (при диаметре 60—70 м) курган, исследованный в 1949—1950 гг. у с. Глеваха на Киевщине [Тереножкин, 1954], содержащий под насыпью обширную погребальную камеру. Без учета опыта раскопок А.И. Тереножкиным этого выдающегося погребального памятника, принадлежавшего, по-видимому, скифскому вождю архаического времени, последующие исследования больших лесостепных курганов вряд ли были бы успешными. В еще большей степени сказанное касается исследования в 1954 г. «царского» скифского кургана в г. Мелитополе [Тереножкин, 1955].

По сути, это были первые раскопки памятника подобного класса после известных дореволюционных открытий Н.И. Веселовского. Понятно, что опыт, полученный в ходе этих исследований, трудно переоценить. Именно при раскопках Мелитопольского кургана Алексеем Ивановичем была не только выяснена сложная вальвовая структура насыпи (по сути — не насыпи, а архитектурной конструкции), но и впервые успешно применена методика иссле-

«А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская на раскопках, 1960-е гг.

На раскопках Гаймановой Могилы, 1969 г. Северная гробница № 1

дования глубоких подземных погребальных сооружений с использованием специальных материалов для их крепления и привлечением квалифицированных специалистов.

Впоследствии этот опыт был закреплен при исследовании кургана скифской знати Гайманова Могилы (1969—1970 гг.), раскопками которого руководил В.И. Бидзиля (а Алексей Иванович являлся консультантом этих работ), и широко применен при исследовании целого ряда выдающихся курганов скифской аристократии.

В руках — знаменитая чаша из Гаймановой Моги-
лы. Слева-направо: Б.Н. Мозолевский, В.И. Бидзи-
ля, А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская. 1969 г.

Около скифской катакомбы кургана у с. Кирово
Днепропетровской обл. Справа-налево: А.И. Тере-
ножкин, Э.В. Яковенко, В.А. Ильинская, Б.Н. Гра-
ков, Е.В. Черненко, Г.Т. Ковпаненко с дочерью На-
ташей. 1961 г.

Материалы Мелитопольского кургана были подготовлены и изданы учеником А.И. Тереножкина — Б.Н. Мозолевским [Тереножкин, Мозолевский, 1988], а Гаймановой Могилы — С.В. Полиным [Бидзиля, Полин, 2012].

С именем А.И. Тереножкина с середины 1960-х гг. связано и начало массовых раскопок скифских курганов, в основном в районах крупных новостроек на юге Украины. Именно тогда довольно широко стала применяться методика определения скифских курганов с помощью ручного бурения. Вот как писал по этому поводу сам Алексей Иванович: *«Первые попытки бурения курганов были предприняты при раскопках около Борисполя на левом берегу Днепра к востоку от Киева, когда было прочно установлено, что они очень эффективны: из массы окружающих древнеямыных и других курганов стало возможным безошибочно находить скифские»* [Из жизни..., 2006, с. 105].

Было бы несправедливо не упомянуть, хотя бы кратко, и о вкладе А.И. Тереножкина в изучение степных культур эпохи бронзы. Достаточ-

Научные сотрудники отдела археологии раннего
железного века Института археологии НАН Укра-
ины: ученики А.И. Тереножкина вместе со своими
учениками. 2014 г.

но вспомнить его раскопки кургана Сторожевая Могила, где впервые были обнаружены остатки повозки древнеямыной культуры, великолепные результаты, полученные экспедицией под его руководством, при изучении курганов ямной, катакомбной, срубной культур на р. Молочная (1951—1952), где в общей сложности было исследовано более 500 погребений. При этом им были внесены зачастую серьезные поправки в атрибуцию и хронологию некоторых категорий памятников. Так, например, А.И. Тереножкину удалось доказать, что каменные антропоморфные изваяния, относимые ранее к киммерийцам, на самом деле принадлежат ямной культуре. Следует также подчеркнуть, что именно в результате раскопок на р. Молочная были исследованы обширные сарматские могильники, составившие основательную источниковую базу для занятия сарматской проблемой на Украине.

И все же, наверное, одним из важнейших научных достижений А.И. Тереножкина в ходе его многолетних работ на Украине, помимо открытия новых культур или исследования ярких археологических памятников, было создание и воспитание киевской школы специалистов в области археологии раннего железного века, в которую вошли его единомышленники и ученики.

Со времени ухода А.И. Тереножкина (19 мая 1981 г.) прошло 35 лет. В коллективе Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины и ныне плодотворно работают ученики Алексея Ивановича. Есть уже ученики и у его учеников, некоторые стали за эти годы докторами наук. При этом проблематика, разрабатываемая специалистами Отдела, во многом находится в рамках тех научных ориентиров, которые объективно и прозорливо были намечены на будущее А.И. Тереножкиным.

Труды А.И. Тереножкина в области археологии Украины получили при жизни исследователя широкий научный резонанс и официаль-

ное признание. В 1967 г. он стал профессором. В 1977 г. решением Верховного Совета УССР ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Украины и в этом же году в составе коллектива авторов трехтомной «Археології Української РСР» Алексей Иванович был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии Украины за написание (с В.А. Ильинской) и редактирование основной части второго тома этого издания [Археологія, 1971].

Завершить юбилейную статью хочется не строгим перечнем официальных заслуг профессора А.И. Тереножкина, а строчками из стихотворения археолога и поэта Б.Н. Мозолева, одного из учеников Алексея Ивановича, в которых лаконично, но емко определена масштабность этого выдающегося археолога XX столетия:

Світ, зачитаний як читанку,
Я відкрив — і зацікавив:
Так, як ти, його, Учителю,
Ще ніхто читав не вмів.

Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 2. — 504 с.

Бершадский Р. На раскопках Древнего Хорезма. — М., 1949. — 111 с.

Бидзля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 751 с.

Граков Б. Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана. (Исполнено по заказу Центрального музея). — [Кзыл-Орда], 1930. — 20 с.

Граков Б.Н., Тереножкин А.И. Суботовское городище (раскопки 1955 г.) // СА. — 1958. — № 2. — С. 164—178.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. — 1953. — Т. 18. — С. 49—110.

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954. — С. 113—131.

Из жизни Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном). — К., 2006. — 112 с.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 378 с.

Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Ученые записки Кабардинского НИИ. — Нальчик, 1950. — Т. 5. — С. 195—275.

Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. — Л., 1981. — 168 с.

Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ. — 1959. — № 4. — С. 155—166.

Скорый С.А. Выдающийся археолог Алексей Иванович Тереножкин: к 100-летию со дня рождения // Археологические вести. — 2010. — № 16. — С. 290—300.

Тереножкин А.И. [Рец.:] А.Ю. Якубовский, К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке, Известия ГАИМК, 1931 // Сообщения ГАИМК. — 1932. — № 5—6. — С. 75—77.

Тереножкин А.И. Археологические разведки по реке Чу в 1929 году // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 5—6. — С. 138—150.

Тереножкин А.И. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // ВДИ. — 1938. — № 1. — С. 204—215.

Тереножкин А.И. Киргизские фрески // Искусство. — 1938а. — № 2. — С. 159—162.

Тереножкин А.И. Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма // Искусство. — 1939. — № 2. — С. 121—128.

Тереножкин А.И. Археологические разведки в Хорезме // СА. — 1940. — Т. VI. — С. 168—189.

Тереножкин А.И. О древнем гончарстве в Хорезме // Изв. Узбекстанского филиала АН СССР. — Ташкент, 1940а. — № 6. — С. 54—64.

Тереножкин А.И. Жилые постройки XI—XII вв. в Кара-Калпакской АССР // Известия Узбекстанского филиала АН СССР. — Ташкент, 1940б. — № 7. — С. 58—73.

Тереножкин А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Известия Узбекстанского филиала АН СССР. — Ташкент, 1940в. — № 9. — С. 30—36.

Тереножкин А.И. Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г. // Известия Узбекстанского филиала АН СССР. — Ташкент, 1941. — № 3. — С. 49—59.

Тереножкин А.И. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. // КСИИМК. — 1946. — Вып. 17. — С. 116—121.

Тереножкин А.И. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии // ВДИ. — 1947. — № 2. — С. 87—90.

Тереножкин А.И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. // ВДИ. — 1947а. — № 4. — С. 127—135.

Тереножкин А.И. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.) // Труды Института истории и археологии АН УзССР. — Ташкент, 1948. — вып. I. — С. 71—134.

Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXIII. — С. 152—169.

Тереножкин А.И. Раскопки в кухендизе Пянджикента // МИА. — 1950а. — Т. 15. — С. 81—93.

Тереножкин А.И. Раскопки на городище Афрасиабе // КСИИМК. — 1951. — Вып. XXXVI. — С. 136—140.

Тереножкин А.И. Памятники предскифского периода на Украине // КСИИМК. — 1952. — Вып. 47. — С. 3—14.

Тереножкин О.И. Курган біля с. Глеваха // Археологія. — 1954. — Т. IX. — С. 80—97.

Тереножкин А.И. Скифский курган в г. Мелитополь // КСИА АН УССР. — 1955. — Вып. 5. — С. 23—34.

Тереножкин А.И. Бронзовый псалый с городища Кюзели-гыра в Хорезме // КСИЭ. — 1958. — Вып. XXX. — С. 34—39.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. — К., 1961. — 248 с.

Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. — 1966. — № 2. — С. 33—49.

Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии. — М., 1971. — С. 15—26 (МИА. — № 177).

Тереножкин А.И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда // СА. — 1972. — № 3. — С. 90—100.

Тереножкин О.И. Класи і класові відносини у Скіфії // Археологія. — 1975. — Вып. 15. — С. 3—13.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 223 с.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 264 с.

Одержано 14.12.2016